

0- 777723

На правах рукописи



Панасенко Елена Юрьевна

**ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НА
НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ СФЕРЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ИХ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Уфа – 2009

Работа выполнена на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Ибрагимова Венера Латыповна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Сулейманова Альмира Камиловна

кандидат филологических наук, доцент
Будько Елена Александровна

Ведущая организация: Башкирский государственный
медицинский университет

Защита состоится 30 июня 2009 года в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 212.013.02 в Башкирском государственном университете по адресу:
450074, г. Уфа, ул. З. Валиди, 32, ауд. 423.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Башкирского государственного университета.

Автореферат разослан 29 мая 2009 года

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ



0000558081

Учёный секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Ибрагимова'.

Ибрагимова В.Л.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное сочинение посвящено исследованию пространственных отношений в переносе на нематериальные сферы бытия – социальную, ментальную, психическую, темпоральную, мифическую – и их репрезентации в русском языке.

Понимание сущности пространства в современном научном знании продолжает оставаться важнейшим объектом исследования как гуманитарных, так и естественных дисциплин, несмотря на наличие огромного и постоянно растущего количества трудов. В настоящее время понимание пространства зависит не только от осознания его физического смысла, но и предполагает его рассмотрение в контексте культуры – совокупности всех проявлений жизни, достижений, различных видов творчества и т.д., поскольку мир представляет собой иерархическое, многоуровневое образование, тесную связь природного и духовного. «...пространственную интерпретацию получают в нашем сознании все реалии: предметы, живые существа, признаки, свойства, процессы, состояния, отношения и т.п. Соответственно и единицы языка, в которых отображаются пространственные представления, так или иначе обладают пространственной семантикой» [Ибрагимов 1992. – С. 64 – 65].

Лингвистический аспект исследования пространственных отношений, описанный в трудах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой и Е.Н. Ширяева, О.Ю. Богуславской, В.В. Васенькина, М.В. Всеволодовой и Е.Ю. Владимирского, В.Г. Гака, Д.Г. Демидова, Анны А. Зализняк, Т.П. Засухиной, В.Л. Ибрагимовой, Ю.В. Мазуровой, И. Пете, В.А. Плунгяна, Р.И. Розиной, М.В. Филипенко, И.Б. Шатуновского, Е.С. Яковлевой и др., может быть представлен как совокупность способов языкового выражения сущности философского (гносеологического) и физического (онтологического) аспектов [Всеволодова 2000].

Актуальность работы вытекает из объективного факта экстраполяции пространственных отношений на нематериальные области действительности, их репрезентации в языке; она связана с реализацией комплексного подхода к материалу языка в ориентации на важнейшие философские категории и понятия, на систему традиционных ценностей, а также на процесс перцептивной деятельности человека, что обеспечивает более глубокое осмысление пространственного видения нематериальных областей действительности.

В качестве **объекта** диссертационного исследования выступают пространственные отношения в переносе на нематериальные области действительности, репрезентированные в русском языке, а в качестве его **предмета** – элементы лексико-семантического и синтаксического уровней, кодирующие пространственные свойства и отношения соответствующим образом.

Цель работы заключается в выявлении специфики отражения пространственных отношений на лексико-семантическом и синтаксическом

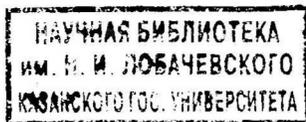
уровнях языка при переносе их на нематериальные области действительности.

Достижение поставленной цели исследования мы связываем с решением следующих **задач**:

- выявление особенностей функционирования глаголов с исходными значениями движения и пространственного расположения, способных к метафорическому описанию квазипространственных отношений в нематериальных областях действительности;
- выявление особенностей синтаксической репрезентации ситуаций пространственных отношений посредством рассмотрения конкретной лексической наполняемости локативных моделей и семантического взаимодействия их компонентов;
- выявление и описание общеклассной лексической семантики имён, способных выступать в качестве актантных партнёров данных глаголов;
- описание представлений носителей русского языка о данном фрагменте картины мира на основе анализа совокупности метафорических пространственных значений.

Теоретической и методологической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов по общим проблемам семантики (Ю.Д. Апресяна, Т.В. Булыгиной, Л.М. Васильева, Р.М. Гайсиной, В.Г. Гака, Л.А. Калимуллиной, В.В. Мартынова, С.Г. Шафикова, Д.Н. Шмелёва и др.), по различным аспектам репрезентации категории пространства в языке (М.В. Всеволодовой, Е.Ю. Владимирского, В.Г. Гака, Т.П. Засухиной, В.Л. Ибрагимовой, Л.Б. Лебедевой, Н.К. Рябцевой, Е.С. Яковлевой и др.); когнитивистики, в рамках которой описываются когнитивные модели построения языковых структур, воплощающих базовый концепт «пространство» (В.З. Демьянкова, А.В. Кравченко, В.С. Кубряковой, И.М. Кобозевой и др.); метафорологии, изучающей метафору как языковую единицу, участвующую в ментальных процессах освоения, отображения и интерпретации внеязыковой действительности (Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, М. Джонсона, И.М. Кобозевой, Е.С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, Г.Н. Складневской, В.Н. Телии и др.).

В соответствии с целью и задачами исследования кроме традиционных методов наблюдения, анализа, синтеза, интерпретации, описания нами использовались следующие **методы**: компонентный анализ, направленный на выявление семантического соотношения исходного и результирующего значений лексем, формирующих метафорическую конструкцию; дистрибутивный анализ, направленный на выделение функционально значимых компонентов метафорического значения, выявляемых в типовых сочетаниях наименований пространственных обозначений нематериальных сфер действительности; функциональный анализ, основывающийся на подаче форм слов в определённых синтаксических построениях; интроспективный анализ, основывающийся на учёте социальных, культурных, научных и т.д. факторов. В качестве



дополнительного метода использовался метод статистической обработки материала.

Источниками материала нашего исследования послужили фрагменты метафорических контекстов, полученные методом сплошной выборки из произведений русских писателей XX века: М.А. Булгакова («Записки юного врача», «Мастер и Маргарита», «Собачье сердце», «Роковые яйца»), А.С. Грина («Алые паруса», «Бегущая по волнам»), И.А. Ефремова («Таис Афинская»), В.В. Набокова («Защита Лужина»), Б.Л. Пастернака («Доктор Живаго»), А.П. Платонова («Ювенильное море»), А.Н. Толстого («Гиперболоид инженера Гарина», «Пётр Первый»), И.С. Шмелёва («Лето Господне»), М.А. Шолохова («Поднятая целина»). Общее количество примеров в картотеке составляет более пяти тысяч единиц, из которых более тысячи ста вошли в диссертацию.

Научная новизна работы состоит в комплексном системно-целостном описании участия глаголов движения, пространственного расположения, экзистенциальных глаголов, а также слов других частей речи, выступающих в функции участников ситуации пространственного отношения в метафорической характеристике нематериальных сфер бытия.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в разработку проблем лексической семантики, метафорологии, культурологии, антропологической лингвистики. Работа расширяет представления о роли языка в формировании различных типов картин мира. Наблюдения и выводы, сделанные в ходе исследования, позволяют глубже понять связь языковых явлений с явлениями материального и нематериального мира.

Практическая ценность работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в учебных курсах и спецкурсах по общему языкознанию, лексикологии современного русского литературного языка, лингвокультурологии и культурологии, этнолингвистики. Возможно привлечение аналитического материала диссертации при разработке курсов «Русский язык как иностранный». Думается, что материалы и выводы могут быть использованы также в дальнейшем исследовательском опыте, в том числе на материале других языков, для выявления типологических особенностей языковых явлений.

Апробация результатов и практическое внедрение работы. Некоторые из проблемных вопросов и результаты исследования были изложены в докладах и сообщениях на республиканской конференции молодых учёных «Актуальные проблемы филологии» (Уфа, апрель 2005); конференции «Литература, язык и художественная культура в современных процессах социокультурной коммуникации» (Уфа, октябрь 2005); Всероссийской научной конференции «Народное слово в науке о языке» (Уфа, апрель 2006); международной научно-практической конференции, посвящённой 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав Русского государства и Году русского языка (Нефтекамск, ноябрь 2007); на четырёх заседаниях межвузовского семинара аспирантов, объявленного на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания Башкирского

государственного университета (2005-2008 гг.). Основные положения диссертации изложены в шести публикациях, в том числе в издании, рекомендованном ВАК.

Некоторые материалы и теоретические аспекты работы использовались при проведении лекций, семинарских и практических занятий по курсам «Русский язык и культура речи», «Русский язык и литература» в Башкирской академии комплексной безопасности предпринимательства при БашГУ (2005-2008 гг.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, приложения. В конце диссертации приведён список использованной литературы, справочников и источников фактического материала. В первой главе содержится научно-аналитический обзор литературы о языковых средствах выражения собственно пространственных отношений в физической действительности. Здесь выделены различные нематериальные сферы бытия, на которые человек также переносит пространственные представления. Во второй главе исследуются конструкции директивно-локативного типа, включающие в свой состав глаголы движения, метафоризирующие пространственные отношения в социальной, ментальной, психической, темпоральной, мифической сферах. В третьей главе описываются конструкции собственно-локативного типа (с глаголами пространственного нахождения и экзистенциальными глаголами), характеризующие ситуации пространственности в указанных нематериальных областях действительности. Исследуется конкретная лексическая наполняемость локативных моделей и взаимодействие их компонентов. В заключении обобщаются основные результаты исследования. В приложении анализируется репрезентация пространственной семантики в художественном тексте.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность работы, её научная новизна, теоретическая и практическая значимость, сформулированы цели и задачи исследования, указаны источники исследуемого материала и методика его анализа.

Первая глава «Теоретический аспект исследования пространственных отношений» носит в основном обзорно-теоретический характер и представляет собой научно-методологическую базу диссертации. В ней дан обзор языковых средств выражения пространственных отношений, а также представлены различные области, на которые русское языковое сознание экстраполирует пространственные отношения. Здесь мы исходили из следующих положений. Категория пространства является одной из всеобщих категорией, и всему, с чем человек имеет дело в различных областях мира, соотносимого с ним самим, он придаёт пространственные параметры. Принципы всеединства мира, факт всеобщей связанности его явлений и

проявлений позволяют выделять различные аспекты действительности, которые могут быть названы социальным, ментальным, психическим, темпоральным, мифическим и т.д. пространствами. Действительность имеет разные проявления: это и физический (материальный) мир, мир социальных отношений, это отражение мира реальной действительности в наших представлениях, мыслях, т.е. в сфере психики и сознания. Кроме того, пространственные представления переносятся также на воображаемый – мифический – мир.

Пространственные представления являются одними из «ключевых», наиболее важных в понимании языковой картины мира [Апресян 1995; Арутюнова 1999; Булыгина, Шмелёв 1997, 2000; Шмелёв 1997, 2002; Яковлева 1994, 1996, 2000]. При оценке различных пространственных ситуаций говорящий обычно выделяет движущиеся / потенциально движущиеся объекты, т.е. фигуры, мобильные во времени и пространстве, которые имеют определённые границы, и неподвижные объекты, т.е. фон [Кобозева 2000; Кубрякова 2000; Маляр, Селивёрстова 1997; Подлесская, Рахилина 2000; Talmy 1983; Филиппенко 2000; Fillmore, Kay 1992]. «... у человека в ходе его эволюции постепенно формируются ДВЕ относительно автономных системы виденья мира – так называемая ЧТО-система (what-system) и ГДЕ-система (where-system) [Кубрякова 2000. – С. 88].

Специфичным является выражение трехмерности пространства в языке [Кравченко 1995; Рахилина 2000], поскольку один и тот же объект может быть представлен в нём по-разному, ср.: **стол стоит в центре комнаты** (стол фиксируется здесь как точка в пространстве); **в столе лежат документы** (закрытое пространство); **на столе лежит рукопись** (поверхность).

Антропоцентричность концептуализации пространства в языке [Апресян 1995; Арутюнова 1999; Гак 2000; Постовалова 1988; Яковлева 1994] находит выражение «в разного рода эффектах присутствия говорящего в ситуации» [Подлесская, Рахилина 2000. – С. 98] и может проявляться в выборе человеческого тела или его частей в качестве источника пространственной ориентации: «Человек ставит себя в центр мироздания. Во всех языках наименования частей тела используются для обозначения направлений или местоположения частей предметов» [Гак 2000. – С. 128]. Так, например, ориентирование объекта в вертикальной плоскости связано с представлениями стоящего человека, ср.: **встать лицом к стене; стоял спиной к залу; повернулся задом; повернулся боком** и т.д.

Антропоцентрично также представление количественных параметров в русской языковой картине мира [Рахилина 2000; Рябцева 2000; Семёнова 2000], отличительной особенностью которых является их психологизация, оценивающая и «опредмечивающая» размеры и количество: «... размеры – это предметное свойство, которое объединяет человека с окружающим его миром, с наполняющими пространство предметами» [Рябцева 2000. – С. 109]. Например, **на высокую гору** человек смотрит снизу вверх, оценивая её

высоту, *глубокое ущелье* предполагает возможность в него спуститься, т.е. оценивается его глубина, и т.д.

Отметим далее существенную роль образных схем [Лакофф, Джонсон 1990; Кубрякова 2000; Кустова 2000; Лебедева 2000; Розина 2000], таких как *верх – низ, передняя сторона – задняя сторона, центр – периферия, местоприемщик (контейнер)* и т.д., в организации пространственного опыта человека: «В повседневной деятельности мы чаще всего думаем и действуем более или менее автоматически, в соответствии с определенными схемами. Что представляют собой эти схемы, для нас совсем не очевидно. Один из способов их выявления состоит в изучении естественного языка» [Лакофф, Джонсон 1990. – С. 387].

Пространственные отношения традиционно определяются как «соположение в пространстве какого-либо предмета, действия (события), признака и некоторого пространственного ориентира (локума). Локум - это пространство или предмет, относительно которого определяется местонахождение предмета (действия, признака) и характер их взаимоотношений» [Всеволодова, Владимирский 1982. – С. 6].

В зависимости от состояния нахождения локализуемого предмета (действия, признака) – покоя или движения – пространственные отношения могут выступать как статические и динамические. Статические отношения обозначают местонахождение объекта по отношению к локализатору и отвечают на вопрос *где?* Динамические пространственные отношения обозначают направление движения объекта по отношению к локализатору, а также изменение пространственного положения объекта. Идентификационными в этом случае будут вопросы *куда? – откуда?* [Булыгина 1982; Зализняк 2000; Ибрагимова 1992; Кустова 2000; Рожанский 2000].

Пространственные отношения в языке способны выражать единицы различных уровней языковой системы, обладающие общностью функции и семантики [Арутюнова 2002; Арутюнова, Ширяев 1983; Бондарко, Воейкова, Гак 1996; Васенькин 1989; Всеволодова 2000; Всеволодова, Владимирский 1982; Демидов 1987; Закирова 2000; Засухина 1991; Золотова 2005, 2006; Ибрагимова 1992, 1998; Кравченко 1995; Лиднер 2000; Мазурова 2000; Маляр 2001; Маляр, Селивёрстова 1997; Мартиросян 1984; Плунгян, Рахилина 2000; Филипенко 2000; Яковлева 1994, 1996, 2000]. Семантическая категория пространства представляет собой «сложное структурное единство нескольких категориальных сем» [Васильев 1988. – С. 44].

Основным средством выражения пространственных отношений в русском языке является глагол [Арутюнова, Ширяев 1983; Булыгина 1982; Васильев 2000; Зализняк 2000; Ибрагимова 1992, 1998; Кустова 2000; Рожанский 2000; Тошович 2000; Шатуновский 2000; Шведова 1989; Янко 2000]. Это в первую очередь глаголы пространственного перемещения, пространственного расположения, а также их каузативные корреляты, например: *идти в лес* (= 'изменять своё местонахождение в пространстве в результате пешего перемещения по направлению к лесу'); *войти в лес* (=

'оказаться находящимся в лесу в результате пешего перемещения'); **стоять в лесу** (= 'находиться в лесу в вертикальном расположении').

Имена существительные могут выражать значения как места локализации объекта, так и направления перемещения [Всеволодова, Владимирский 1982; Ибрагимова 1992, 1994; Гак 2000; Лебедева 2000; Семёнова 2000; Падучева 2000], например: **книга лежит на столе; подходит к столу**. В отличие от них наречия содержат статический либо динамический аспекты пространственной семантики дифференцированно в своих лексических значениях [Гжегорчикова 2000; Мазурова 2000; Яковлева 1994], ср.: **стоять рядом** (наречие места); **пойти вправо** (наречие направления). Дейктики указывают на степень пространственной отдалённости объекта высказывания от наблюдателя, причём семантика наблюдателя включена в значение дейктика [Мартынов 1982; Ибрагимова 1992], например: **эта картина** (= 'картина, находящаяся вблизи от меня'); **та картина** (= 'картина, находящаяся вдали от меня'). Имена прилагательные описывают величину пространственных объектов, их размеры, форму, расположение, а также их способность занимать собой определённые части пространства: **высокая гора, широкий диван, узкая комната** [Апресян 1974; Богуславская 2000; Васильев 2000; Вольф 1978; Князев 1996; Рябцева 2000; Шрамм 1979; Яковлева 1994].

На синтаксическом уровне языка репрезентация пространственных отношений осуществляется посредством наполнения локативных моделей и семантического взаимодействия их компонентов. Важнейшим членом синтаксической конструкции, носителем самого локативного отношения является предикат. В значении глагольного слова (наряду с семантикой пространственного отношения) заключена информация о таких участниках ситуации пространственного отношения, как субъект, объект, инструмент, которая актуализируется в контексте глагола при заполнении его актантных позиций, например: **на дачу мы ехали автобусом** [Арутюнова 2002; Бондарко 1985, 2001; Золотова 2001, 2005, 2006; Ибрагимова 1992; Пупынин 1996; Сусов 1985; Шмелёва 1988].

Нематериальные сферы бытия характеризуются в русском языке метафорически. Они соразмерны природе человека, но в освоении их языковым сознанием много интересного и специфического. Метафора, определяющаяся как видение одного объекта через другой, выражает и формирует новые понятия, репрезентирует знания в языковой форме [Аббакумова 2001; Апресян 1993; Арутюнова 1990; Блэк 1990; Булыгина, Шмелёв 2000; Гак 1988; Глазунова 2000; Дэвидсон 1990; Кассирер 1990; Ортега-и-Гассет 1990; Ортони 1990; Рикёр 1990; Складаревская 1993; Телия 1987, 1988]. Здесь мы имеем дело с механизмом вторичной номинации, в процессе которой происходит переосмысление уже имеющихся в языке средств и формируются вторичные наименования. Мы обратились к исследованию метафорического проявления пространственности на конкретном языковом материале с позиций понимания системного и целостного характера языка.

Во второй главе «Метафоризация пространства в конструкциях с глаголами движения» исследуются метафорические высказывания с глаголами движения всех трёх классов: со значением перемещения, вращения, фиксированного движения и их каузативными коррелятами, характеризующие квазипространственные отношения в указанных сферах бытия.

Важнейшей особенностью языкового отображения нематериальных областей действительности в русском языке является преобладание их динамической интерпретации над статической, что свидетельствует об особенности нашего языкового сознания воспринимать окружающий мир в развитии, становлении, в непрерывном изменении связанных между собой объектов, явлений, процессов, действий, взаимодействий и т.п. (в отличие от восприятия реального физического пространства в статике, в процессе которого оценивается прежде всего расположение пространственных объектов, их свойства, что выражается в языке в конструкциях собственно-локативного типа).

Проведённый анализ показал, что наибольшую активность проявляют здесь глаголы пространственного перемещения при описании явлений и процессов социальной сферы. Глаголы поступательного движения, такие как *идти, двигаться, приближаться* и т.д., кауз. *вести, выводить, двигать, тащить* и т.д., в составе метафорических употреблений характеризуют ситуации развёртывания социальных явлений и процессов, проблемы и перспективы развития общества, а также способы поведения человека или определённых социальных групп, например: *идут величайшие события; дело движется к провалу; крестьянство приближается к великому перелому*; кауз. *Пётр сам будет вести это дело; партия выводит крестьян из нужды; Галиуллина в последнее время кто-то усиленно двигал; следствие ткнули умышленно; одна всех ткну, тяжело очень* и т.п.

Социальное движение в подобных конструкциях может получать качественную характеристику – в этих случаях локативная приглагольная позиция заполняется наречием *вперёд*, ср.: *следствие идёт вперёд; большевизм идёт вперёд; партия идёт вперёд; Россия вперёд идёт* и т.п. Такое поступательное движение, которое развивается в перспективном направлении, в русской языковой картине мира получило положительную оценку, ассоциируясь с ситуациями ускорения определённых дел и процессов, прогрессивного развития общества, социальных групп и т.п.

В метафорах движения в вертикальной плоскости оценочный модус становится доминирующим: движение вверх – «хорошо», движение вниз – «плохо». Данная метафорическая ориентация *обладание властью или силой сверху, а подчинение власти или силе снизу*, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, имеет под собой физическую основу: «... физические основы обычно коррелируют с физической силой, а победитель в борьбе обычно занимает положение наверху» [Лакофф, Джонсон 1990. – С. 398]. В состав подобных употреблений входят глаголы *подниматься / подняться, взбираться / взобраться, карабкаться* и т.д., указывающие в своих прямых

значениях на движение вверх, а также глаголы с семантикой передвижения по воздуху, изменения пространственного положения из «верхнего» в «нижнее» (такие как *свалиться, слететь, послетать* и т.д.), ср.: *Лефорт поднялся, стал влиятельным человеком; он как мог взбирался к вершинам власти; холопы теперь повыше карабкаются* и т.д.; *с должности-то и свалился; так с места хорошего и слетел; остались без поддержки и послетали с тёплых мест* и т.д.

Отметим также высокую частотность употребления каузативных глаголов (таких как *передвигать / передвинуть, приближать / приблизить, удалять / удалить, отодвигать / отодвинуть, отталкивать / оттолкнуть, отпихивать / отпихнуть, теснить / оттеснить* и т.п.), при описании ситуаций социального передвижения, борьбы, конкуренции, династических споров, применения санкций, вознаграждений и т.д., ср.: *потом удалила Василия Васильевича; бояр нынче отодвигают, а безродным людишкам дорогу дают; они и дворян хотят оттолкнуть* и т.д. Точкой отсчёта (ориентиром) в подобных конструкциях является обычно имя субъекта (субъектов), наделённого властью, поэтому ситуация в целом рассматривается как его (их) руководящие действия: *приблизил* к себе, своему окружению; *удалил, отодвинул, оттолкнул* и т.п. от себя, своего окружения и т.д. Имя лица (лиц) в объектной позиции скрывает за собой определённые социальные действия и происшествия. Так, например, ситуация династического спора, характеризуемая в высказывании *потом удалила Василия Васильевича*, понятна адресату и может быть истолкована следующим образом: Софья Милославская в результате своих действий лишила Василия Васильевича Голицына определённых привилегий. Очевидно, что в подобных конструкциях выражается оценка описываемого действия по его отношению к другим лицам либо явлениям.

Глаголы непоступательного движения описывают ситуации нестабильности, бесконтрольности, неупорядоченности, а также пробуждения, побуждения к деятельности и активному восприятию чего-либо, ср.: *деревня сейчас мечется; Турция заметалась, прислала посла; страна в нищете барахтается; бултыхаюсь я в этих событиях, никак к берегу не пристану* и под.; *в наше время шевелиться быстро нужно, пропадёшь иначе; наконец-то и наш бездельник расшевелился; а боярам давно пошевелиться нужно* и т.д.

Метафорическое осмысление процессов духовной деятельности человека предполагает выявление специфики отражения объективной действительности в сознании, оценку процессов и результатов этого отражения, возможную в связи с теоретической и практической деятельностью человека, осознанием им своего бытия и отношения к миру [Арутюнова 1999; Гак 1993; Коськина 2004; Одинцова 2000; Сергеева 2005; Телия 1988].

Наиболее общее развитие процессов мышления, основанных на способности человека мыслить и рассуждать, делать умозаключения с последующими оценками, представлено в конструкциях с глаголами *идти*,

двигаться, приходиться, например: *или чёткие, ясные мысли; мысль шла к победе; мысль шла к поражению; он кормил его лёгкой пищей, чтобы мысль двигалась быстрее; мысль двигалась в пустоту* и т.д. Присутствие в высказывании имени ориентира (в наших примерах в роли ориентира выступают имена абстрактной семантики *победа, поражение*, а также существительное абсолютивной пространственной семантики *пустота*, имеющие соответственно положительную и отрицательные коннотации), цели ментального действия предполагает его качественную интерпретацию, соответствующую личному опыту мыслящего субъекта. Само же обозначение ментального действия нейтрально к признакам положительности / отрицательности.

Глаголы поступательного движения-перемещения, такие как *бежать, мчаться, ползти, тянуться, волочиться* и т.д., перемещения в жидкой среде, например *плыть, проплывать*, перемещения по воздуху *летать, пролетать, улетать*, а также перемещения жидкостей, не связывающегося в нашем сознании с какой-либо средой (например *течь, потечь* и т.д.), характеризуют произвольную мыслительную деятельность и работу памяти, спонтанность ментальных актов, относительно независимых от воли человека, высокую степень их интенсивности и т.п., ср.: *беспорядочные мысли бежали чередой; шаловливые воспоминания бежали друг за другом; неудержимо мчались мысли; чередой неслись воспоминания; летели быстрые мысли; летели дерзкие думы* и т.п. (*бежать, мчаться, нестись, лететь* и т.п.); лёгкость, плавность, естественность и спонтанность ментальных процессов: *плыли прозрачные мысли;плыли спокойные думы; в голове проплывали возможные решения; мысли текли лёгкие, спокойные; и вновь потекли привычные мысли* и т.д. (*плыть, проплывать, течь, потечь* и т.п.); низкую степень интенсивности ментального действия, а также его потенциальную нерезультативность: *ползли ленивые мысли; тянулись однообразные воспоминания; мысли волочатся нехорошие* и т.п. (*ползти, тянуться, волочиться*); утрату способности к сосредоточенности и дальнейшему продолжению мыслительной деятельности: *в голове шумело, мысли разбегались; мысли разлетались в разные стороны; мысли рассыпались, я не мог сосредоточиться (разбежаться, разлетаться, рассыпаться)*; безуспешное, бесцельное поисковое поведение и его типы: *беспорядочно бродили мысли; мысли блуждали в каком-то беспорядке; трудно понять, где плутают его мысли (бродить, блуждать, разг. плутать)*.

Глаголы непоступательного движения (*шевелиться, метаться, копошиться, кишеть, мелькнуть, мельтешить* и т.д) и вращательного движения (*вертеться, ворочаться, кружиться, крутиться* и т.п.) могут обозначать ментальные действия, отличающиеся вялостью и бесконтрольностью, ср.: *трусливые мысли никуда не исчезли, шевелились по-прежнему; шевелились какие-то смутные идеи; в душе копошились сомнения; мысль о яде мелькнула в голове прокуратора; мельтешили смутные воспоминания* и т.д. (в основе метафорического переноса здесь

лежат представления о беспокойном, беспорядочном, неконтролируемом движении, получающем негативную оценку в сознании носителей языка - в отличие от спокойных и упорядоченных действий, традиционно оцениваемых положительно); хаотичностью и бессистемностью: *в голове вертелись клочки каких-то мыслей; фантастические идеи кружились в воздухе* и т.д. (общей семантической ассоциацией здесь является представление о возможной трудности ухватить вертящийся предмет, что и послужило основой для данных метафорических переносов).

Глаголы перемещения, принимающие участие в описании психических явлений, процессов и состояний, характеризуют различные их стадии, этапы развития, например возникновение: *Маргарита приходила в восторг; Василий Васильевич приходил в замешательство; девочка приходила в восхищение от каждой новой игрушки* (подобные метафорические конструкции, подвергшиеся фразеологизации, в теоретическом плане целесообразно рассматривать как перифразы); прекращение: *раздражение проходило, я успокаивался; волнение прошло, и Гаврила взглянул на царевну; ярость прошла, князь велел заложить возок; чувства прошли, мы стали как чужие (проходить / пройти)*; утрату, исчезновение: *я чувствовал, что счастье уходит от меня; нежность уходила из наших отношений; радость навсегда ушла из моей жизни (уходить / уйти)*. Локализаторы со значением указания на исходный пункт метафорического движения выражаются в подобных случаях местоимениями (*счастье, любовь, радость уходит от меня, от нас*) либо именами абстрактной семантики, обозначающими явления, характеризующиеся способностью к развитию, длительному существованию (*отношения, жизнь* и т.п.).

Глаголы *входить, погружаться, впадать*, кауз. *вгонять* и т.д. употребительны в составе метафорических и фразеологизированных выражений, характеризующих ситуации возникновения интенсивных по форме переживания эмоциональных состояний [Калимуллина 2006], которые могут быть квалифицированы как кратковременные, например: *он чувствовал, что входит в азарт; Алексашка уже входил в раж (входить)*; длительные, «глубокие» [Булыгина, Шмелёв 2000]: *с той поры отец надолго погружался в уныние; бывший шахматный гений погружался в депрессию; пациент впадает в истерику; мастер впадал в беспокойство (погружаться, впадать)*; вызванные определёнными ситуациями внешнего мира, ср.: *последние события вгоняли меня в уныние; ничего не делают, только царя в гнев вгоняют*.

Единицы различных классов глаголов перемещения, такие как *приближаться, подниматься, ползти, подползать, заползать, плыть, плавать, наплывать* и т.д., способны к описанию отрицательных эмоциональных состояний - например волнения, тревоги, страха, ужаса и т.д.: *к сердцу приближалось холодное волнение; тревога приближалась к сердцу; в сердце поднимался гнев; постепенно поднималось раздражение* (субъектную позицию при глаголах *приближаться, подниматься* занимают обычно имена негативных эмоций и чувств, такие как *волнение, тревога,*

тоска, печаль, злость и т.д.; с существительными, называющими позитивные чувства и эмоции, данные глаголы имеют ограниченную сочетаемость); *страх змей полз по телу; тоска к сердцу подползает; тревога в душу заползает* (в основе метафорического осмысления здесь лежат представления о передвижении пресмыкающихся – змей, червей и пр., что обеспечивает отрицательную оценку ситуации в целом); *в глазах его плавал страх; наплывал неизъяснимый ужас* (устойчивая ассоциативная связь в этом случае основывается на подвижности и изменчивости жидкого состояния вещества, его способности попадать во власть стихии).

В высказываниях, включающих в свой состав глаголы поступательного однонаправленного движения, нашли отражение представления человека о линейности, равномерности, однонаправленности, необратимости времени, например: *время идёт слишком быстро; близится час озарения; тяжёлые идут времена* и т.д. Со вхождением в группу предикатов локативного конкретизатора описание ситуации приобретает значение движения времени к определённой точке, в результате чего приосходит членение общей длительности на конкретные временные отрезки, ср.: *время уже шло к зиме; к Великому Посту время идёт; время шло к сенокосу* и т.п. Локализаторы в данном случае обозначают явления конкретной временной природы, которые дискретизируют соответствующим образом абстрактное время – вечное и бесконечное. Человек воспринимает себя находящимся в пространстве, но это время находится вне его, оно *идёт, бежит, летит, течёт* мимо человека, каждый раз к какому-то временному же пределу, цели и т.п., обозначенным словами конкретно-временной семантики: *к зиме, к Великому Посту, к сенокосу* и т.п. В каждом случае семантизация значений этих имён выявляет семантику времени, конкретизируя её в самих именах. А они являют собой компрессированные обозначения конкретного предельного времени как части времени вечного, бесконечного.

Психологическая оценка скорости течения времени отражается в метафорических конструкциях, включающих в свой состав глаголы поступательного движения, такие как *бежать, побежать, пробежать*, перемещения по воздуху, например *лететь, пролететь*, а также глаголы непоступательного движения *мелькать, промелькнуть*, описывающие ситуации быстротечности жизни, где время представлено как «ограниченный ресурс, ... самый ценный и невозполнимый» [Рябцева 1997. – С. 80], ср.: *бежали дни; бежали последние летние деньки; бежали последние секунды турнира; побежали наполненные предпраздничной суетой хлопотливые дни; жизнь пробежала мгновенно (бежать, побежать, пробежать); время-то как летит; пусть оно [время] потише летит над Россией; всё кончено, жизнь пролетела (лететь, пролететь); мелькали часы, дни, годы; детство промелькнуло мгновенно; жизнь промелькнула; промелькнуло лето* и т.п. (*мелькать, промелькнуть*).

Отрицательное же отношение человека к промежутку времени, заполненному нежелательными, неприятными для него событиями, с которыми он вынужден мириться, либо ничем вообще не заполненному,

подчёркивается обычно употреблением глаголов *ползти*, *тянуться*, ср.: *в дороге время ползёт медленно; ползли годы; часы в школе не шли, ползли (ползти); время тянулось медленно; тянулись годы; бесконечно тянулся час; тянулись минуты тоски (тянуться)*.

Имена темпоральной семантики, занимающие субъектную позицию при глаголах перемещения наряду с лексемой *время*, могут обозначать конкретные временные отрезки, отличающиеся длительностью либо значимостью для говорящего, ср.: *просто времена такие злые идут; героическая идёт эпоха (времена, эпоха)*; предполагающие активную, успешную деятельность: *пришла твоя пора, Питер, нужно действовать; пришла моя пора – они теперь за всё ответят (пора)*; представляющие собой конкретную точку отсчёта, после которой обязательным будет качественное изменение жизни [Яковлева 1994, 1997]: *тогда-то я и понял, что пришёл мой срок; как только почувствовал, что срок мой пришёл, так и ушёл в леса (срок)*; способные стать для человека своеобразной вехой, преломным моментом в судьбе, а также указать на неповторимость, уникальность, исключительность ситуации: *близится час расплаты; приближался час казни; приближается миг неминуемого унижения и позора; приближался миг её триумфа* и т.д. (*час, миг*). Отметим также способность имён абстрактной семантики, таких как *детство, юность, молодость, жизнь* и т.д., обозначающих конкретные временные периоды жизни или время самой жизни, к заполнению приглагольной позиции субъекта.

Мифическая сфера бытия, вербализуемая глаголами перемещения, способна к описанию пространства жизни и смерти, взаимодействий божественных и демонических сил, мыслимых как существующие параллельно и существенно влияющие на человека и его поступки. В подобных употреблениях отражено стремление человека познать окружающую действительность, объяснить происхождение мира, его бесконечность и многомерность, осознать своё место в нём, а также попытки повлиять на ход событий с помощью определённых магических действий. Доминирующим в данном случае является религиозно-мифологический компонент, определяющий особенности донаучного познания мира, ср.: *нескончаемой чередой идут перед человеком ежечастные боги; богини идут к другим народам; зло идёт по миру; боги и богини новых религий переходят к новым народам; зло подходит к самому порогу; вот уже и беда к дому подходит; смерть подходит совсем близко (идти, ходить, переходить, подходить и т.д.)*. Отличительной особенностью подобных конструкций является наличие в них ориентиров, выраженных именами предметной семантики (таких как *дам, порог* и т.д.): мифическое пространство неотделимо от вещей и предметов, его наполняющих [Кобозева 2000].

Распространёнными являются описания ситуаций скитания заблудших душ, не нашедших успокоения в загробном мире, обозначенные глаголами *бродить, скитаться, блуждать* и т.д., в семантике которых содержатся

указания 'без определённой цели' или 'потеряв дорогу', например: *души умерших бродят во мраке царства Аида; души грешников скитаются по Аиду; душа его в аду блуждать будет* и т.д.; возможного непроизвольного перемещения человека в чуждое, враждебное ему пространство – *ад, дыру, бездну* и т.д.: *в дыру преглубокую покатишься, там с чертями и останешься; в бездну ведь катитесь*. Представление о нематериальности анализируемых ситуаций согласуется в подобных случаях с мифологическим видением пространственного упорядочения мира, с возможностью инобытия где-то в недоступных для прямого наблюдения мирах, в другом, ирреальном, воображаемом пространстве.

Общим моментом в характеристике пространственных отношений во всех исследованных нами нематериальных сферах бытия (за исключением темпоральной) является то, что в приглагольной позиции субъекта могут выступать наименования лиц, например: *Меньшиков уверенно поднимался наверх; старушка пыталась выкинуть злые мысли из головы; государь в истерику впадает; грешники катятся в ад преглубокий* и т.п., что хорошо согласуется с антропоцентрическим характером языка.

Явное преобладание случаев заполнения субъектной позиции именами лиц характерно для высказываний, описывающих различные ситуации, имеющие место в социальной сфере, что иллюстрирует деятельностное отношение человека к окружающей действительности, его стремление к познанию, изменению и преобразованию мира, а в конечном итоге и к господству над ним, ср.: *расследование вёл прибывший из города следователь; иноземец нас вниз тянуть будет; бояре всегда народ теснили; Льва Кирилловича Пётр теперь приблизил; мужик любое правительство свалит* и т.д. Подобное объяснение можно отнести также и к случаям выступления в приглагольной позиции субъекта имён конкретно-пространственной семантики, таких как *Россия, Европа, страна, город, деревня* и т.д. в употреблении типа *Россия движется к лучшему; Европа вперёд идёт, а мы нищими сидим; и деревня вперёд идёт*, представляющих поведение определённых социальных групп, т.е. населения России, Европы, деревни и под.

Субъектная позиция может заполняться существительными абстрактной семантики в зависимости от описываемой в высказывании нематериальной области действительности [Гак 1993, 1997; Зализняк, Шмелёв 1997; Ибрагимов 1994; Калимуллина 2004, 2006; Кобозева 1993; Падучева 2000; Плунгян 1997; Радзиевская 1997; Яворская 1997; Яковлева 1997], ср.: *идёт война; близится сладкая должность; деньги непрерывно текли в его карманы* (социальная сфера); *он кормил его лёгкой пищей, чтобы мысль двигалась свободно; чередой неслись воспоминания; летели дерзкие думы* (ментальная сфера); *приходила нежность; удовольствие доходило до экстаза; радость навсегда ушла из моей жизни* (психическая сфера); *время идёт слишком быстро; просто времена такие злые идут; побегал четвёртый час казни; тянулись, ползли годы* (темпоральная сфера); *души*

умерших бродят во мраке царства Аида; богини идут к новым народам; смерть подходит совсем близко (мифическая сфера).

Семантика имён, заполняющих локативную позицию, также зависит от описываемой нематериальной сферы бытия, например социальной, в которой преимущественным употреблением отличаются имена конкретно-пространственной семантики [Ибрагимова 1992], такие как *Россия, страна, город, деревня* и т.п., ср.: *в стране война идёт; в России идёт революция* и т.д.; ментальной, в характеристике которой принимают участие имена ментальной сферы *память, воспоминание* и т.п., а также соматонимы *голова, мозг* и т.п., ср.: *в памяти шевелились обиды прошлого; и любовь эту я из памяти выкинул; в голове металась обрывки бредовых идей; копошились в мозгу у Стёпы неприятные мыслишки*; психической, где наиболее частотными в употреблении являются соматонимы *тело, голова, сердце*, мифоним *душа* и т.д., например: *страх полз по телу; тревога в душу заползает; печаль заползает в сердце*; темпоральной, отмеченной преимущественным употреблением имён темпоральной семантики, имён-обозначений состояний, процессов окружающей среды, а также праздников, постов, сельскохозяйственных работ и т.п.: *а время шло к полуночи; время к закату идёт; к холодам время шло; время шло к сенокосу* и т.п.; мифической, в которой указанная позиция заполняется мифонимами (такими как *Аид, ад, подземное царство* и т.д.), ср.: *души грешников скитаются по Аиду; томимая жаждой душа умершего бродит по подземному царству; грешники катятся в ад преглубокий*.

К заполнению локативной позиции способны и слова конкретно-пространственной семантики, например *вершина, пропасть, бездна, грань, граница, рубеж* и т.д., которые характеризуют описанные выше ситуации во всех названных сферах бытия, ср.: *в пропасть Россия движется; в бездну наша страна движется; Алексашка как мог взбирался к вершинам власти; мысль двигалась к вершине этой странной пирамиды; но мысль всё же пробиралась к заветному рубежу; возбуждение доходило до неведомых границ; наслаждение доходило до предельной границы; катитесь вы в бездну преглубокую, мрак и тартарары* и т.д.

Распространители со значением способа движения, оформляемые творительным падежом, употребляются в подобных контекстах редко, но некоторые примеры в выборке имеются: *деньги текли ручейками, ручьями, реками в кассы «Аншин Роллинг»* (инструментальная позиция при глаголе *течь* заполнена именами конкретно-пространственной семантики *ручѐк, ручей, река*, употребительными здесь в форме множественного числа); *мысли шли сплошным потоком* (в роли инструментатива здесь также употреблено существительное конкретно-пространственного значения *поток*); *страх змей полз по телу* (инструментальная позиция заполнена зоонимом *змея*); *от слов матери веяло лёгкой грустью* (инструментальную позицию заполняет здесь имя абстрактной эмотивной семантики *грусть*).

Прилагательные *глубокий, плоский, мелкий*, включающие в свои значения параметрический семантический компонент, выступают в

указанных контекстах с оценочной характеристикой ментальных и эмотивных процессов и состояний, таких как *мысль, идея, взгляд, тоска, отчаяние, уныние*, например: *мысли, идеи, взгляды глубокие, мелкие, плоские; тоска, отчаяние, уныние глубокие*, что непосредственно связано с нашей понятийной системой и пространственной ориентацией, с противопоставлениями *глубокий - мелкий*, согласно которым существенные, серьёзные *мысли, идеи и взгляды* оцениваются как *глубокие* в отличие от *мелких* и *плоских*, им противоположных. Эмоциональные состояния, характеризующиеся как *глубокие*, отличаются длительностью и интенсивностью.

В преобладающем большинстве случаев в роли контекстных определителей выступают прилагательные непространственной семантики, например: *мысли странные, непонятные, прозрачные, новые, свежие; времена тяжёлые, злые, кровавые; время героическое, значительное, новое, особенное, прекрасное* и т.п.

В третьей главе «Метафоризация пространства в конструкциях собственно-локативного типа» исследуются метафорические высказывания с глаголами пространственного расположения, их каузативными коррелятами, а также экзистенциальными глаголами.

Глаголы пространственной локализации, представляющие собой активный лексический способ выражения объективно существующих пространственных отношений, участвуют в вербализации квазипространственных отношений гораздо реже, чем рассмотренные выше глаголы движения. Это свидетельствует о деятельностном характере освоения нематериальных областей действительности, получившем соответствующее языковое оформление. Необходимо отметить, что глаголы пространственной локализации, выражающие квазипространственные отношения, способны выступать не только в метафорических, но и в прямых значениях при сохранении общей нематериальности ситуации.

Подчёркнём однотипность подобных конструкций, среди которых наиболее употребительными оказались высказывания с самым общим глаголом пространственного нахождения *находиться* при описании ситуаций социальной занятости, зависимости и других отношений, характеристике уровня жизни и т.д., ср.: *гость прокуратора находился в больших хлопотах; все мы в повиновении находимся; девочка находится в нужде; Россия сейчас находится в полной нищете*; сохранения в памяти определённых картин или предметов прошлого, например: *эта варварская страна ещё долго будет находиться в памяти; тот санаторий ещё находился в памяти; в памяти находились различные люди; вызывающие стыд воспоминания находились в памяти* и т.д. (по-видимому в соответствии с отражательной природой сознания в субъектной позиции могут встречаться наименования всех реалий, доступных - так или иначе - наблюдению; роль дейктических средств заключается здесь в объединении плана субъекта, его внутреннего мира, нашедшего отражение в памяти, и временного плана, указывающего на субъективное переживание времени

[Каримова 1991]); нахождения / бытия человека в разнообразных эмоционально-психических состояниях, метафорически мыслимых как вместилища – например *недоумение, смущение, изумление* и т.д.: *молодой человек находился в недоумении; Василий Степанович находился в величайшем смущении; публика находилась в полном изумлении*. Во всех рассмотренных случаях глагол *находиться* выступает в генерализованном экзистенциальном значении: он синонимичен глаголу *быть*. Сравним, например: *гость прокуратора находился в больших хлопотах = гость прокуратора был в больших хлопотах*. Во многих случаях та же самая мысль может быть выражена компрессированным способом: *молодой человек находился в недоумении = молодой человек недоумевал*.

Высказывания локативной семантики нередко могут интерпретироваться как конструкции с эллипсисом глагола *находиться*, например: *непонятно, о чём бояре наверху думают* (= ‘бояре, находящиеся наверху’); *меня поразило одиночество в её глазах* (= ‘одиночество, находящееся в её глазах’); *в Преображенском все в страхе* (= ‘все находятся в страхе’) и т.д. По-видимому основанием для эллипсиса глагола в подобных случаях является его малая информативность и, напротив, большая семантическая энергия локативных актантов (в наших примерах это *наверху, в глазах, в страхе*), «которые не только достаточно полно диагностируют общую локативную семантику конструкции, но и актуализируют её» [Ибрагимова 1992. – С. 129].

Глаголы пространственного нахождения *стоять, лежать, сидеть* проявляют большую избирательность по отношению к характеризующим ими нематериальным областям действительности, утрачивая в подобных контекстах периферийные семы, которые конкретизируют пространственную локализованность предметов – соответственно ‘вертикально’, ‘горизонтально’, ‘сидя’, но сохраняют при этом ядерные семы процессуальности, бытийности, пространственной локализованности, статичности. Так, глаголы *стоять, лежать, сидеть* оказались употребительными при описании лишь некоторых ситуаций ментальной, психической, темпоральной сфер бытия, ср.: *эти проблемы стояли в голове у Антонины Александровны; в её глазах стоял невысказанный вопрос; задачи перед коммунистами стоят серьёзные* (в данном случае актуализирована сема, отражающая настоятельный характер присутствия, бытия объекта «в данном месте в данное время», мотивированного семантическим признаком, указывающим на активный характер пространственного нахождения; этот признак присутствует в семантике основного значения глагола *стоять* в виде латентной семы информационного потенциала, что становится очевидным при сравнении семантически очень близких высказываний: *в её глазах стоял невысказанный вопрос = в её глазах был невысказанный вопрос*). Приведём ещё примеры: *в дороге казалось, что время стоит; стояла глухая пречистенская ночь* (здесь глагол *стоять* содержит сему длительности, временной стабильности, что выявляется при бытийной трансформации

семантики соответствующих высказываний: *стола глухая пречистенская ночь = была глухая пречистенская ночь*); *печаль легла на сердце; тоска на сердце лежит* и т.д. (здесь в значении рассматриваемого глагола актуализированы семантические признаки длительности статического состояния; в семантике основных значений приведённых глаголов они представляют собой латентные признаки информационного потенциала; сема длительности в подобных случаях согласуется с семантикой состояний, обозначенных в существительных *печаль, тоска* и т.д.); *проблема сидит в одном взгляде Босталовой; в тяжёлом взгляде Антипова прочно сидела какая-то мысль; счастье сидело в ней пушистым котёнком; зло прочно сидело в старушкином сердце* (рассматриваемое употребление данного глагола мотивировано латентной семой 'прочно, основательно', которая присутствует в семантике основного значения глагола *сидеть*: здесь этот признак не только актуализирован - вырос его «ранговый статус»).

Перфектные формы глаголов однонаправленного перемещения, такие как *войти, прийти, прийти, перетянуть, застрять, влипнуть, оказаться* и др., обозначают нахождение, которое является результатом каузированного или автокаузированного перемещения. Эти глаголы участвуют в описании различных ситуаций, например в социальной сфере: *середняка необходимо перетянуть на нашу сторону* (= 'заставить находиться на нашей стороне'); психической: *царь пришёл в раздражение* (= 'оказался находящимся в состоянии раздражения'); мифической: *в Наталью Алексеевну бес вошёл* (= 'оказался находящимся в Наталье Алексеевне в результате перемещения') и т.д.

Экзистенциальные глаголы (например *быть, существовать, присутствовать, наличествовать, иметь место* и др.) - также содержат в своей семантике компонент пространственности, но в самом общем виде - в отличие от конкретно-пространственных глаголов перемещения или нахождения, рассмотренных выше. Он имеет категориально-лексический статус - это самый общий, абстрактный компонент лексической части глаголов. Видимо, не случайно в составе соответствующих высказываний эти глаголы могут быть эллиптированы. Они принимают участие в описании пространственных отношений во всех нематериальных сферах бытия. Конкретная сфера находит выражение в семантике прилагательных имён в субъектной и локативной позициях, ср.: в России *революция; в Москве беспорядки; в деревнях болезни и пьянство* (социальная сфера); *есть минуты* (т.е. *существуют, имеются*), *которые помнишь вечно; есть моменты* (т.е. *существуют, имеются*), *ставшие в жизни решающими* (темпоральная сфера); *есть настоящие чувства; есть любовь; есть горе и отчаяние; есть несказанная радость* (психическая сфера); *есть мнение; есть суждение; есть определённые выводы* (ментальная сфера); *есть бог; есть рай; есть жизнь загробная* (мифическая сфера).

Особое место в подобных контекстах принадлежит действительным единицам языка, таким как *здесь, тут, там* и др., которые отличаются способностью к конденсированному выражению семантики целых

синтаксических конструкций, включающих в себя значение субъекта, локума, а также самих пространственных отношений: *здесь произвол, кровь, насилие* (= 'в месте, где я нахожусь, произвол, кровь, насилие'). Ситуации актуального присутствия чего-либо - воровства, самодурства, разбоя и др., описываются в употреблении с наречиями *всюду, везде: везде воровство* (= 'во всех местах воровство'); *везде самодурство* (= 'во всех местах самодурство') и т.д.

Интересной особенностью семантики высказываний рассматриваемого ряда является наличие конструкций со скрытым субъектом- пациенсом, испытывающим описываемое состояние (физиологическое, эмоциональное и т.п.), которое обозначено соответствующим именем в позиции предиката на наблюдаемом поверхностно-синтаксическом уровне, что вполне поддаётся глубинно-семантической трансформации, позволяющей эксплицировать семантику отношений, ср.: *в России голод = в России народ, население голодает* = 'голод морит, изводит людей'.

В позиции локатива в рассматриваемых случаях могут выступать наречия места *там, здесь* (например *здесь / там нищета, голод*), а также местоимения и имена лиц, классов, совокупностей, групп и т.п. в форме родительного падежа с предлогом *у* (*у Петра, у царя, у нас, у них*), что подтверждается возможностью синонимических замен: *у коммунистов своя политика = в среде коммунистов своя политика; у Петра скрытые замыслы = в голове Петра скрытые замыслы; у мальчика несомненный талант = в мальчике несомненный талант*. Мы полагаем, что в подобных посессивных конструкциях с «у...» можно наблюдать приращение пространственного смысла, возможно недостаточно выраженного, но всё же выявляемого путём произведённых замен либо глубинно-синтаксических трансформаций.

Употребительными являются высказывания, включающие в свой состав семантические дериваты экзистенциальных глаголов, такие как *появляться / появиться, сохраняться / сохраниться, оставаться / остаться* и под., содержащие в своих значениях фазисные, темпоральные семы, например: *в памяти появился* (= 'начинает быть') *новый лабиринт*; *в памяти сохранились* (= 'продолжают быть') *те минуты*; *в мыслях оставались* (= 'продолжали быть') *только шахматы*.

В **Заключении** подводятся основные итоги и намечаются возможные перспективы исследования, которые могут быть связаны с дальнейшим изучением репрезентации в языке различных квазипространственных отношений – в сфере языка, художественного текста и т.д.

В **Приложении** «Репрезентация пространственной семантики в художественном тексте» приведён анализ фрагмента романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», где мы встречаемся с разными типами пространств и пытаемся пронаблюдать их взаимодействие.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Панасенко Е.Ю. Способы реализации субъектной семантики в локативных высказываниях, репрезентирующих пространственные отношения в нематериальных областях действительности // Вестник Башкирского университета 2008. Том 13. № 2. – С. 290 – 292.
2. Панасенко Е.Ю. Существительные и глаголы как участники ситуации пространственного отношения (некоторые наблюдения) // Актуальные проблемы филологии. Материалы республиканской конференции молодых учёных. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – С. 130 – 137.
3. Панасенко Е.Ю. Пространство мифа (некоторые наблюдения) // Литература, язык и художественная культура в современных процессах социокультурной коммуникации: Материалы межрегиональной научно-теоретической конференции. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – С. 183 – 188.
4. Панасенко Е.Ю. К вопросу об именах существительных пространственной семантики в русских говорах Башкирии // Народное слово в науке о языке: Материалы Всероссийской научной конференции. г. Уфа, 12 – 13 апреля 2006 г. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – С. 223 – 227.
5. Панасенко Е.Ю. Глаголы с семантикой перемещения в жидкой и воздушной среде в составе метафор движения // Проблемы филологии. Выпуск 3. – Уфа, 2007. – С. 61 – 65.
6. Панасенко Е.Ю. Пространственный компонент инструментальной ситуации в нематериальных областях действительности, репрезентированных в языке // Язык и литература в условиях многоязычия: Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав Русского государства и Году русского языка. – Нефтекамск: РИО БашГУ, 2007. – С. 60 – 64.

Подписано в печать 27.05.09 г. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать ризографическая. Тираж 100 экз. Заказ 246.
Гарнитура «TimesNewRoman». Отпечатано в типографии
«ПЕЧАТНЫЙ ДОМЪ» ИП ВЕРКО.
Объем 1,41 п.л. Уфа, Карла Маркса 12 корп. 4,
т/ф: 27-27-600, 27-29-123

10 =